

the level of knowledge of the problem of the genesis of the Kunda culture in modern archaeological science.

Keywords: Kunda culture; Ressetian hypothesis; Askola culture; monuments Salaspils-Lauskola type; Svider culture.

Вопрос о происхождении кундского населения уже давно привлекает внимание учёных. Актуальность указанной темы заключается в том, что изучение культуры Кунда, в частности её происхождения, имеет существенное значение для решения целого ряда вопросов, связанных с исследованием истории освоения древнейшего населения Беларуси (здесь она распространена в бассейнах Западной Двины, Немана, верхней и средней Припяти).

Один из первых исследователей памятников кундской культуры Р. Индрекко на основании материалов раскопок стоянки Кунда, опубликованных в 1948 г., связал происхождение культуры с палеолитическим населением Западной и Центральной Европы, а позже изменил свои взгляды в пользу палеолитических памятников Восточной Европы [1, с. 69].

Несколькими годами позднее другой исследователь – А. Я. Брюсов, изучив коллекции из раскопок и сборов на стоянках Пулли и Кунда, высказал мнение о том, что сходство кундской культуры с населением Западной и Центральной Европы, которое изначально отстаивал Р. Индрекко, практически отсутствует [2, с. 31]. Ученый считал, что гораздо больше сходства в типах вещей стоянок Пулли и Кунда найдено на востоке, а именно – в районе Урала. Примеры такого подобия А. Я. Брюсов видел в наличии маленьких кремневых скребков и костяных наконечников стрел [2, с. 31–32].

Большинство исследователей финального палеолита и мезолита Центральной и Восточной Европы видят генетическую связь кундской культуры с финальнопалеолитическим населением свидерской культуры [1, с. 69].

Так, А. А. Формозов, сравнивая кремневые орудия, найденные при раскопках на Пуллийском поселении, со свидерскими, утверждает, что кундские кремневые и костяные изделия вполне сопоставимы с наиболее поздними комплексами свидерского круга. Например, кундские наконечники стрел схожи с наконечниками стрел свидерского типа, обработанными тщательной струйчатой, а иногда и пильчатой ретушью, имеющими короткий черешок [13, с. 97–98].

Наиболее крупные исследователи мезолитической эпохи Эстонии Л. Ю. и К. Л. Яанитсы, сравнивая кремневое сырьё и орудия труда с эстонских, литовских и белорусских стоянок культуры Кунда, говорят о генетической связи населения, оставившего их [1, с. 14; 14, с. 29–30].

К. Л. Яанитс считает, что кундская культура возникла на основе свидерской традиции. Об этом свидетельствует факт изготовления каменных изделий, обнаруженных на ранних памятниках кундской культуры (Крумплёво, Пулли, Звейниеки 2), из привозного кремня высокого качества [15, р. 395].

Со свидерскими памятниками типа Саласпилс-Лаускола, расположенных в низовьях Двины, связывает генезис кундской культуры М. Г. Жилин. Исследователь полагает, что изделиям из кости культуры Кунда находятся аналоги в памятниках Литвы, Эстонии, Калининградской области и Северо-Восточной Польши, тогда как кремневый инвентарь имеет сходство на более широкой территории – от средней Польши до Западной Украины [1, с. 14]. При этом учёный подчёркивает, что «трансформация индустрии свидерских памятников типа Саласпилс-Лаускола в индустрию ранней кундской культуры в течение первой половины пребореала органично вписывается в развитие наиболее ранних постсвидерских индустрий» [3, с. 72].

От свидера Польши кундскую культуру выводил исследователь С. К. Козловский. Он видел восточный «сибирский компонент» в кундской индустрии. К нему учёный относил отжимную технику, конические нуклеусы, пазовые наконечники с микропластинками, резцы на углу сломанных пластин [16, р. 331–365].

Достаточно известным исследователем не только мезолита, но и каменного века в целом, подчёркивающим генетическую связь кундской культуры со свидерской, является Л. Л. Зализняк [5, с. 234–235]. Он считает, что появление стоянок типа Пулли в Прибалтике нельзя объяснить миграцией постсвидер-

УДК 902.01

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лепков Н. В.

учреждение культуры

«Могилевский областной краеведческий музей
имени Е. Р. Романова»

(Могилев, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье рассматриваются концепции исследователей мезолитической эпохи, направленные на изучение проблемы происхождения кундской культуры, раскрыта важность исследования данной темы. Сделан вывод об уровне изученности проблемы генезиса культуры Кунда в современной археологической науке.

Ключевые слова: кундская культура; рессетинская гипотеза; культура Аскола; памятники типа Саласпилс-Лаускола; свидерская культура.

Summary. The article discusses the concepts of researchers of the Mesolithic era, aimed at studying the problem of the origin of the Kunda culture, reveals the importance of studying this topic. The conclusion is made about

ского населения с верховьев Западной Двины и Волго-Окского междуречья. По мнению учёного, генетической основой кундской культуры являлось свидерское население как обитавшее в Прибалтике в дриасе III, так и пришедшее с юга на границе плейстоцена и голоцена [4, с. 84].

Генезис культуры Кунда с населением свидерской культурной традиции также связывает В. П. Ксензов [7, с. 357]. По мнению учёного, об этом свидетельствует кремневый инвентарь поселений. Прежде всего, для кундских памятников характерны наконечники стрел, черешок которых обрабатывался крутой ретушью со стороны спинки и плоской с брюшка, т. е. типично свидерской техникой [8, с. 32].

Более категоричным в отношении непосредственного генезиса кундской культуры на свидерской основе был Л. В. Кольцов [6, с. 132–134]. По его мнению, культура Кунда представляет собой продукт смешения по крайней мере двух культур: население локального варианта постсвидерской культуры, придя на побережье Финского залива, постепенно попало под влияние культуры Аскола, появившегося на берегах Финского залива сразу после исчезновения ледника. Если стоянка Пулли ещё почти не имеет черт, присущих культуре Аскола, то уже следующий за ней в хронологическом порядке памятник Кунда, по мнению исследователя, явно заимствует приёмы обработки кварца из культуры Аскола [6, с. 134].

Значительный вклад в решение проблемы генезиса кундской культуры внес Т. Остраускас. Путем картографирования наконечников типа Пулли исследователь очертил регион распространения артефактов данной категории. Он пришел к выводу, что становление древнейшего этапа кундской культуры, представленного стоянками типа Пулли, проходило в богатых на качественное сырье бассейнах рек Неман и Нарев на основе свидерской культурной традиции [17, р. 93–106]. Под влиянием кудлаевского населения кундская общность перешла к изготовлению пазовых наконечников с микровкладышами [17, р. 97–99].

Таким образом, в качестве доказательства правильности своей теории сторонники свидерской концепции ссылаются на сходство техники обработки кремня свидерской и кундской культур, использование пластины в качестве заготовки для орудий труда и подобие в формах наконечников стрел с плоской подтёской черешка.

Помимо многочисленных приверженцев точки зрения о происхождении кундской культуры от свидерской, есть учёные, которые данную гипотезу не поддерживают.

В этом лагере исследователей центральное место занимает взгляд А. Н. Сорокина – рессетинская гипотеза происхождения культуры Кунда [12, с. 36–57]. Согласно ей, ранние кундские памятники основаны населением рессетинской культуры, проникшим в Прибалтику из Волго-Окского бассейна на рубеже плейстоцена – голоцена. Указывается и один из возможных маршрутов движения рессетинского населения – по Западной Двине, который, по мнению А. Н. Сорокина, фиксирует памятник Крумплево [12, с. 52–53]. Как считает исследователь, подтверждением этому служит сходство в общих технических приёмах для кундской и рессетинской индустрий. В частности, тождество рессетинских и кундских материалов А. Н. Сорокин усматривает в том, что острия рессетинских наконечников и наконечников, обнаруженных на стоянке Пулли, оформлялись одинаково – на бугорковой части [12, с. 47].

Ещё одну гипотезу о происхождении кундской культуры, никак не связанную со свидерской, высказывает известная московская исследовательница С. В. Ошибкина [9, с. 269]. Она считает, что культуры Кунда, Маглемозе, стоянки типа Нижнего Веретья обладают единой генетической основой, так как имеют большое сходство изделий из кости, рога и частично из камня, схожую топографию и стратиграфию. Как представляет исследовательница, группа европеоидного населения, близкая культуре Маглемозе, в бореальное время заселила берега существовавшего тогда Анцилового озера и продвинулась дальше на северо-восток, оставив торфяниковые стоянки Восточного Прионежья [10, с. 152]. Это дало основания С. В. Ошибкиной сделать вывод о генезисе кундской культуры от североевропейского населения финального палеолита Прибалтики, представители которого продвинулись далеко на восток [11, с. 118].

Генезис кундской культуры на базе свидерской традиции отрицает З. Сульгастовска [18, р. 85–92]. Сравнивая комплексы кундской и свидерской культур, она пришла к выводу о том, что какое-либо сходство в определяющих формах кремневого инвентаря обеих культур полностью отсутствует [1, с. 15; 18, р. 91].

Достаточно интересной является точка зрения на происхождение кундской культуры В. С. Обуховского. По мнению учёного, кундский комплекс сформировался без участия носителей свидерской традиции за пределами современной территории Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси, северо-восточной Польши и попал сюда в результате миграции населения с более восточных территорий, а, возможно, даже с Урала. Что это было за население, В. С. Обуховский предположить не решился, указывая на то, что проблема генезиса кундской культуры требует дальнейшего изучения [1, с. 70].

Таким образом, несмотря на достаточно высокую степень изученности, вопрос о происхождении мезолитической культуры Кунда на сегодняшний день остаётся дискуссионным. По мнению автора, позиция большинства исследователей, основанная на происхождении культуры Кунда от свидерской, представляется более аргументированной, так как для подавляющей части кундских памятников характерны свидерские элементы. Например, черты свидерской культуры прослеживаются в обработке кундских наконечников с плоской ретушью на брюшке пера и пластинчатости индустрии.

Литература

1. Абухоўскі, В. С. Матэрыялы культуры Кунда на тэрыторыі Заходняй Беларусі / В. С. Абухоўскі // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра : зб. навук. арт. памяці Міхала Чарняўскага, Мінск, 5–7 сакавіка 2013 г. / Нац. гіст. музей Рэспублікі Беларусь ; рэдкал.: В. У. Ашэйчык [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 57–74.
2. Брюсов, А. Я. Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху / А. Я. Брюсов ; под. ред. В. П. Киселева. – М. : АН СССР, 1952. – 260 с.
3. Жилин, М. Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите / М. Г. Жилин // Тверской археологический сборник. – 2000. – Вып. 4. – С. 72–79.
4. Зализняк, Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1989. – 176 с.
5. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л. Л. Залізняк. – Київ : Національний університет Києво-Могилянська академія, 1999. – 284 с.
6. Кольцов, Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики / Л. В. Кольцов. – М. : Наука, 1977. – 216 с.
7. Ксяндзоў, У. П. Кунда культура / У. П. Ксяндзоў // Археалогія і нумізматэка Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 357
8. Ксензов, В. П. Культура Кунда / В. П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 16. – С. 20–35.
9. Ошибкина, С. В. Веретья 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1997. – 205 с.
10. Ошибкина, С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1983. – 295 с.
11. Ошибкина, С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретья / С. В. Ошибкина. – М. : Гриф и К, 2006. – 322 с.
12. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения / А. Н. Сорокин. – Москва : Институт археологии РАН, 2006. – 216 с.
13. Формозов, А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1977. – 141 с.
14. Янитс, К. Л. Кремневый инвентарь стоянок кундской культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / К. Л. Янитс ; Ин-т археологии АН СССР. – М., 1990. – 32 с.
15. Jaanits, K. Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland / K. Jaanits // Mesolithikum in Europa : Sammlung von Veröffentlichungen des Internationalen Symposiums, Postdam, 3–8 april 1978 / Des Museums für Ur- und Frühgeschichte ; Herausgegeben von Bernhard Gramsch. – Berlin, 1981. – P. 389–399.
16. Kozłowski, S. K. The Mesolithic in Europe / S. K. Kozłowski. – Warsaw : University Press, 1973. – 669 p.
17. Ostrauskas, T. Kundos kultūros tyrinėjimų problematika / T. Ostrauskas // Lietuvos archeologija. – 2002. – T. 23. – P. 93–106.
18. Sulgostowska, Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations / Z. Sulgostowska // Tanged Points Cultures in Europe : materials of the International Archaeological Symposium, Lublin, 13–16 September 1993 / Maria Curie-Skłodowska University ; ed.: S. K. Kozłowski [et al.]. – Lublin, 1999. – P. 85–92.